

Вырезка из газеты

ПЕНЗЕНСКАЯ
ПРАВДА

от 1. АВГ. 1987

г. Пенза

Газета №

СУББОТНИЕ ВСТРЕЧИ

В. МЫШИНСКИЙ И ВЕЧНЫЙ ПОИСК

А «мальчику» было 23 года. Его приняли в Вахтанговское училище.

— Какая-то удивительная теплота окружала нас, — продолжает Михаил Ильич свои воспоминания. — Учили нас отличные, тонкие педагоги — Симонов, Захава, Толчанов, Арачков, Синельникова, Львова, Шихматов. Все — имена! А кто учился? Гриша Абрикосов, Коля Тимофеев, Женя Симонов, Юлия Борисова, Роман Быков, Миша Ульянов, Юра Яковлев. Многие после фронта, народ интересный, бывалый. Учились мы жадно, взахлеб.

С дипломом вахтанговца вернулся он в Ростов-на-Дону. Работал в театре комедии. Был молод, легок, хорошо танцевал, пел. И уже совсем было закрепилось за ним амплу престока. Его любили, ему аплодировали. Но что-то однажды случилось, не стал радоваться успеху.

— Я вдруг понял, — рассказывает актер, — что багажа у меня мало, что надо искать и себя, и другие роли. Рости надо!

Проходила молодость, пора было задуматься: что же сделано и то ли сделано? У его сценических юношей было много люющей через край энергии, много оптимизма, задора, песен. Он не жалел, что отдал им шесть лет жизни. И все-таки его страстно потянуло к ролям серьезным, социально-глубоким.

— Сейчас я уже могу спокойно оценить тот тяжкий пе-

риод моих метаний, поисков новой точки актерского роста. Меня увлекла трагедия. Не трагедия ума, а трагедия сердца. Перешел в драмтеатр и почти сразу же получил роль царя Федора в трагедии А. Толстого. Мало кто верил в мой успех, говорили, что все кончится провалом.

Он стал работать яростно, забыв обо всем, кроме роли. И тут случилось с ним несчастье. Глупый случай, и перелом ребра. Последовала операция, но ребро долго не срасталось. И уже когда режиссер, отчаявшись, стал искать на роль другого актера, он появился на репетиции, превозмогая боль, и начал работать. Только когда подготовка к спектаклю подходила к концу, он признался, что все эти дни находился на бюллетене. Успех был большой.

— Роль поразительная по богатству человеческих чувств, — так считает Михаил Ильич. — И вот эта моя внутренняя физическая боль (попробуйте-ка ходить, жестикулировать с переломанным ребром!) слилась с болью Федора. Она стала моей личной трагедией. Это же обнаженное сердце, я чувствовал, как оно бьется вот здесь, на ладони.

Трагедия стала его актерским кредо. Ей он служит теперь преданно, с полной самоотдачей. Более сотни ролей классического и современного репертуара сыграно за эти годы.

— А особенно люблю роли современников, всегда волну-

юсь, открывая новую пьесу, с трепетом жду: откликнется ли сердце, не обманет ли актерская интуиция — да, это мой герой.

Вот таким приятным открытием была для него роль Бачаны Рамишвили в спектакле «Закон вечности». Играл он ее и на гастролях в Пензе. Когда этот больной человек, честный писатель, коммунист, с трудом пробуждается на больничной койке после инфаркта, глубокого забытия, вся жизнь его монтажно, почти кинематографично проходит перед глазами зрителей. Детство, юность, опаленная войной, взросление, осмысление трагической судьбы отца, старого коммуниста, схватка с миром мещанства, взяточничества, приведшая его сюда, в больницу, — все это густоком растроженных нервов, обостренного чувства справедливости, непримиримости, партийности, все проходит через распахнутую душу актера, вызывает симпатию у зрителей. Терниста дорога, непреклонен дух настоящего борца за великие идеалы наши — вот что видит, о чем думает, чему дружно аплодирует зритель.

Сердце на ладони? Да, крепко то же, и тот же актерский арсенал. И мы верим актеру, он тоже честно, мучительно, с яростным упорством идет на авансцену, навстречу нашим сердцам, спорит, зовет к борьбе и побеждает.

— Лучшей своей работой считаю роль Ленина. Весь творческий потенциал, на который я только был способен, весь жизненный багаж вложил в этот эпохальный образ. Это необыкновенное счастье — прикоснуться к нему.

Он рассказывает, с каким вдохновением работал над ролью вождя в спектакле по пьесе Шатрова «Шестое июля».

— Самую высокую похвалу, — вспоминает актер, — я получил от двух ростовских большевиков, бывших красноармейцев, охранявших в молодости Кремль, квартиру Ленина. Они спросили: «Как вы сумели так передать голос Ленина? Мы поразились: это он, его голос!»

Закончили гастроль в Пензе. Он снова в дороге, в обдумывании новых ролей, в трепетном ожидании встречи с героем нашего времени.

Поздний вечер. Затихает шум городских улиц. Из театра ушли последние актеры. Остались дежурные, да мы вдвоем. Сидим, курим. Лицо Михаила Ильича поблескивает после грима. Рука с сигаретой устало свисла со спинки стула. Тихо, неспешно начинается разговор.

— Актерская судьба у меня счастливая, — признается он. — Это без кокетства. Иногда думаю: кем бы я мог быть, если бы не театр? Может, хлебопашеством занимался, как предки мои, донские казаки. Жил бы в родной станице Кочетовской. И все-таки нет, не смог бы без театра. Хотя путь к нему получился у меня нелегким.

Вспоминает народный артист РСФСР М. И. Бушнов, как еще юношей незадолго до войны попробовал силы в самодеятельном театре. Играл роли пушкинского Дубровского, Шипучина в чеховском «Обиеле». Ушел на фронт, так и не решив для себя мучительный вопрос: быть или не быть актером?

Но там, в огне и боевых походах, понял солдат силу искусства. Был в составе агитбригады роты, батальона, дивизиона. Читал стихи, публицистические статьи из «Правды», других центральных газет.

— Это была боевая проза, слова стреляли, как патроны! Они зажигали, звали к мести, — вспоминает актер.

После демобилизации поехал в Москву. Решено: только в театр! Поступил сразу в три театральных вуза — в ГИТИС, училища имени Вахтангова и имени Глазунова. И во все три, представьте, поступил!

В приемной комиссии Вахтанговского училища председателем был Н. В. Петров. Он же принимал экзамены у поступающих в ГИТИС. Когда закончился экзамен, председатель воскликнул:

— Молодой человек, но ведь вы поступаете в ГИТИС? Михаил быстро нашелся:

— Да, но если меня примут в Вахтанговское училище, я буду горд и останусь учиться здесь.

Это умилило старых актеров-вахтанговцев. Они вступились за него:

— Мальчик хочет учиться в нашем училище.